

И.А. Гапаров
аспирант кафедры философии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sarov-1@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Соотношение понятий «жизнь» и «польза» в творчестве Станислава Лема

Аннотация: Актуальность настоящей темы исследования заключается в многообразии способов определения понятия «жизнь», в соответствии с которыми оно определяется как энергетическая система, активная форма материи, способ существования белковых тел и даже как высокоустойчивое состояние вещества. Однако автор данного исследования полагает, что научные и философские способы определения «жизни» неточны, поскольку они основываются либо на причинно-следственных, либо на телеологических связях. В них не учитывается синтетический аспект, позволяющий отграничить «жизнь» от всего того, что связывает ее по отдельности, как с разумным, так и с неорганическим миром. Наиболее полно связующий аспект между причинно-следственными и телеологическими связями представлен в произведениях С. Лема. «Жизнь», понимаемая им как «гомеостатическое равновесие», состоит из следующих аспектов – «сложная системная организация», «телеологичность» и «польза». Наиболее значимым из них считается «польза», поскольку она, предстающая в качестве совокупности пластичных регуляторов как факторов приспособления к внешней среде, задает возможности для сохранения и продолжения «жизни», тогда как ее содержание сводится к обеспечению и поддержанию внешнего и внутреннего равновесия. Отсюда следует, что понятия «жизнь» и «польза» взаимно дополняют друг друга. Ведь там, где наличествует «гомеостатическое равновесие», отсутствует «польза», поскольку нужда в ней возникает только тогда, когда это равновесие подвергается дестабилизации. По этой причине, если для неразумного существа «польза» дана в качестве постепенно вырабатываемых адаптационных регуляторов, то для разумного – как рефлексия о них, которая позволяет разрабатывать искусственные приспособления и основанные на них системы, способствующие расширению или распространению всего того, что называется «жизнью».

Ключевые слова: польза; жизнь; гомеостатическое равновесие; телеология; система; фантастика; Станислав Лем.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

В условиях ускоренного темпа НТП футуристические проекты С. Лема постепенно начинают проходить проверку на прочность, поскольку они затрагивают такие вопросы, на которые у науки отсутствует однозначный готовый ответ. Так, например, если ещё в XX веке о ИИ имели смутное представление и полагали его фактически недостижимой целью, то на сегодняшний день уже начинают предприниматься попытки разработки ИИ на правовой, экономической и прочих основах. Последней из наиболее значимых технических разработок стал «Tesla-bot» (Optimus), представленный на All Day 19 августа 2021 года, тогда как его рабочие прототипы были продемонстрированы 30 сентября 2022 года. В этом (и во многих иных) плане С. Лем предвосхитил множество явлений будущего. Кроме этого, на фоне растущих проблем более глобального масштаба (войны, болезни и т.п.), проекты С. Лема – это, возможно, единственная альтернатива ответов на проблемные явления и события, справиться с которыми практически невозможно, если не

продумывать тактику и стратегию. В противном случае вид «Homo Sapiens» может оказаться замыкающим в роду «Homo».

Первой проблемой, с которой столкнулось человечество, стал крупномасштабный вирус «COVID-2019». Охвативший не один десяток стран, он смог показать, что феномены глобализации и взаимного сотрудничества являются не более чем тяжеловесными абстракциями (Пунченко 2020), тогда как отдельные люди, пострадавшие прямо или косвенно от вируса, вполне могли бы стать вынужденными пленниками виртуального пространства, т.е. «виртуальными робинзонами». Ведь в подобных условиях виртуальное пространство становится основным и единственным средством осуществления коммуникации, без которой невозможна психическая уравновешенность. Поэтому на фоне развивающейся сферы виртуального пространства постепенно начинает подниматься вопрос о создании особой реальности (метавселенной), в которой помимо коммуникативной функции можно было бы осуществлять другие.

Второй напастью, с которой повстречался человек, стала проблема локальных (мировых) вооруженных конфликтов. Суть проблемы мировых конфликтов заключается в том, что посредством ведения «информационной войны» (Манойло 2021), связанной с опосредованной (психической и духовной) враждой противодействующих сторон, они уничтожают целые экономические, политические и духовные союзы и силы, формировавшиеся как в поствоенном, так и в постсоветском пространстве десятилетиями. В итоге враждующие стороны оказываются истощенными и изолированными, т.к. в новой разновидности войн отсутствует четкое разграничение на проигравших и победителей. Правительства стран вынуждены в срочном порядке искать способы скорейшего восстановления инфраструктуры, заниматься поиском дополнительных источников сбыта ресурсов и реализации готовой продукции.

В связи с этим и возникает актуальный вопрос о том, насколько действия людей могли бы называться осмысленными, если люди до сих пор продолжают действовать столь импульсивно и неосознанно (безответственность в плане распространения коронавируса или ведения информационной войны), что забывают о той рациональности, к которой всякий раз призывают либо враждующую сторону, либо весь мир в целом. Однако всякий раз эти же люди припоминают основные ценности, имеющиеся у каждого в наличии. Ценности могут выступать в разных обликах. Одни предпочитают говорить о них (в совокупности) как о духовном благе (Федчук 2016), другие – как об объективности, достоверности (Кун 1975), (Поппер 1983), (Стёпин 2000). Третьи, не задумываясь, преследуют желаемое, вовсе не обращаясь к ценностям сферы духовного бытия. Наконец, когда человек оказывается в экстремальных ситуациях, представляющих для него настоящую угрозу, то, не имея перед собой ничего другого, он обращается к тому, на чем держится все остальное, т.е. к жизни как источнику всех благ, знаний и т.д. Таким образом, жизнь становится основной человеческой ценностью.

За несколько тысячелетий по поводу жизни накопилось столько определений, что их все невозможно перечислить. Наиболее простой способ определить это понятие, отметить, что жизнь – это то, что не является смертью. Считается, что таким образом вопрос может быть снят. Однако «перекодирование, перевод «чуждого» кода в «естественный»» (Дубровский 2002, с. 148) здесь ещё невозможны, поскольку отсутствует понимание смерти. Получается замкнутый логический круг. Для того чтобы его снять, необходимо понять, чем жизнь отличается от смерти. В плане различия обычно обращаются к жизненной периодизации и исследуют то, каким образом отдельный человек относится к данным понятиям в разное время. В итоге получается, что способ отношения к понятиям «жизнь» и «смерть» у детей будет зависеть от условий их местопребывания (здесь было бы уместным сослаться на легенду о Сиддхартхе Гаутаме), тогда как на восприятие пожилых людей будет влиять накопленный и обработанный ими опыт.

В целом определения жизни являются односторонними, поскольку они затрагивают ее формальную сторону, основанную либо на причинно-следственных, либо на телеологических связях. Однако упущенной остается содержательная сторона понятия «жизнь». В этом плане достойными внимания становятся идеи С. Лема, относящиеся к способу определения жизни. Понимая под ней «гомеостатическое равновесие», С. Лем попытался выйти как за пределы ограниченных научных доводов, так и неограниченных измышлений. Выход связан со стремлением отгородиться от всего того, что именуется жанром фэнтези. Поэтому здесь может вполне возникнуть вопрос о том, чем область фантастики, которую исследовал С. Лем, отличается от фэнтези? Ведь как в первой, так и во второй воображаемым сюжетам отводится значимое место. Так, по мнению одного из исследователей лемовского наследия А.Ю. Нестерова, фантастическое – «пока ещё не объясненное, пока ещё не познанное в научном смысле» (Нестеров 2018, с. 92). Оно «возникает вследствие логического парадокса (как автореферентного отрицания), содержательно подразумевает мыслимое неммыслимого (возможное невозможного в техническом и научном смысле) и выражается некоторой исторически обусловленной поэтикой» (Нестеров 2018, с. 92). По мнению же другого исследователя, С.А. Голубкова, фантастическое связано с художественной литературой, в которой «фантаст принципиально пересоздает действительность, рождает абсолютно новые удивительные миры, где буквально все, так сказать, от А до Я, может быть построено на совершенно невиданных началах» (Голубков 2009, с. 50-51). Отсюда, по мнению С.А. Голубкова, следует, что, «чтобы осознать всю глубину воплощенной писателем фантастом философской мысли, масштаб преподнесенного этического урока, необходимо в рамках читательской стратегии исходить из того, что имеешь дело с весьма специфическим семантическим кодом» (Голубков 2009, с. 51).

С одной стороны, здесь можно согласиться с А.Ю. Нестеровым и С.А. Голубковым относительно данного ими определения фантастического. Если фантастическое создает «удивительные миры» или в определенной мере проектирует возможное будущее, то оно может напрямую влиять на человеческую жизнь через видоизменение окружающей среды в результате предвосхищения новых технических или технологических разработок. С другой стороны, если фантастическое представляет собой потенциал возможностей, многие из которых могут быть никогда не реализуемы в силу особого устройства данной Вселенной, то людям остается довольствоваться только воображаемыми образами как одной из форм приятного или вынужденного времяпрепровождения. При эпохе массового потребления данный аспект на общем фоне выделяется наиболее примечательно. И в большей степени он является как раз не позитивным, а негативным, поскольку обладает особенностью погружения в воображаемый мир, который, согласно С. Лему, не имеет никакой связи с наличной действительностью.

Возвращаясь к определению понятия «жизнь», стоит отметить, что привыкшие понимать простейших существ как наиболее примитивных слишком упрощают жизнь, замыкая ее в цикл: «стимул» – «реакция». Однако жизнь, представленная в ее единичном материальном облике, согласно С. Лему, представляет собой сложноорганизованный гомеостат, обладающий многоступенчатой системой (само) авторегуляции. Идентичное определение жизни дает М. Тегмарк. Для него (как и для С. Лема) жизнь в многообразии своих обликов предстает в виде «сущностей, которые собирают информацию об окружающей среде через систему своих сенсоров, а затем, перерабатывая эту информацию, принимают решение, каким должно быть их ответное действие» (Тегмарк 2017, с. 27). Уникальность этой живой системы состоит в том, что она способна поддерживать себя самопроизвольно, благодаря многосторонней функциональности или специализации, каждая из которых обладает определенной степенью авторегуляции, но вместе они подчиняются единому центру (ЦНС) (Лем 2002). Специализация возникает неспроста. Она является результатом мутации. Мутация не проявляется в условиях, «приемлемых» для выживания вида. Она усиливается соразмерно степени изменения

окружающей среды, становящейся непригодной для потомства. В противном случае мутанты устраняются природой как брак. Подобный подход пересекается с тем, что видится под жизнью в биологии (в ее эволюционистском понимании), т.е. как совокупность форм приспособления к окружающим условиям и обстоятельствам.

В отличие от природных гомеостатов, искусственно сконструированные, по мнению С. Лема, обладают существенным дефектом. Их саморегуляция невозможна без вмешательства существа, их создавшего. В противном случае, рано или поздно они выходят из строя. Да и в целом, даже если подобный гомеостат возможен, то по своей направленности он будет узкоспециализированным, т.е. выполнять одну функцию (а также ее вариации). Таким образом, С. Лем стремится обосновать невозможность полной автономизации гомеостата в «Непобедимом» (Лем 2022). Самый мощный робот «Циклоп», снабженный системой силовых полей, сферическим излучателем антиматерии, оказывается бессильным против «мушек» (некрomorphic существ). В результате силового воздействия (перенастройки) со стороны «мушек» он «сходит с ума» и начинает разрушать все на своем пути. Примечательным также является тот факт, что «антропоморфизация» здесь остается неснятой. Она касается того, что недоступно как для познания человека, т.е. устройства этих «мушек», так и для машины, имеющей многоступенчатую систему управления, которую на определенном этапе изменить уже не получится. Относительно этого произведения также следует добавить, что оно, в конечном счете, оставляет читателя в ситуации «неопределенности», поскольку теории и концепции, применимые к органике и к проектируемой неорганике (техническим устройствам), не сочленяются с «новой синтетической органикой». С. Лем в качестве примера приводит здесь форму жизни, настолько чуждую человеческому пониманию, что полноценное взаимодействие с ней попросту невозможно. Оно, конечно, предстает статистически вероятным (в «Эдеме») посредством применения технологии, но полученный результат может не устроить человека. Таким образом, к примеру, ученые Земли пытаются установить контакт с океаном планеты Солярис (Лем 2015). Планетарная форма жизни, с которой сталкиваются исследователи, оказывается способной охватывать целые пласты человеческой памяти (проникать в подсознание), и на этом основании воспроизводить фантомы ушедших (умерших или погибших) людей, пытаясь т. о. установить контакт с живыми. Однако это оказывается совсем не тот контакт, которого с нетерпением ожидали люди. Чем более крепкой становится связь между океаном и отдельным человеком, тем более угнетающе она действует на последнего, поскольку материализовывает его скрытые желания, страхи и другие навязчивые идеи, находящиеся за порогом «цензуры» сознания. Здесь, будучи существом разумным, человек считает, что может развиваться узкоспециализировано, но, как полагает С. Лем, такая установка чревата гибелью, если не одного индивида, то всего вида в целом.

Невозможно однозначно определить содержание понятия «жизнь», если отталкиваться от ошибочных клише, которые веками воспроизводились человеческим мышлением. К таким относится определение, согласно которому под жизнью понимается активная форма существования материи. Определяя ее как то, что дает начало саморазвитию, можно с таким же успехом перенести это (и первое) определение на звезду, обладающую определенным жизненным циклом, в ходе которого растрачивается ее энергия, завершающаяся вспышкой сверхновой. С другой стороны, перенося взор с мегамира на микромир, человечество сталкивается все с тем же недопониманием. Однако у всех этих замечательных научных аспектов явлений есть недостаток. Они являются производными от неорганической материи. В отличие от них органика обладает некоей «целесообразностью», которая направлена на передачу генетического материала посредством размножения. Таким образом, определение жизни, данное, сначала биологически как «способ существования белковых тел» (Энгельс 2019, с. 123), а затем уже кибернетически как «высокоустойчивое состояние вещества, использующее для выработки сохраняющих реакций информацию, кодируемую состояниями отдельных

молекул» (Шкловский 1987, с. 141), становится более уместным, чем вышеприведенное философское.

Таким образом, должно быть вполне понятно, что способы определения жизни, данные наукой и философией, отображают какую-то одну ее формальную сторону. Лемовское определение жизни как «гомеостатическое равновесие» вбирает в себя их все. При этом оно обладает той характерной чертой, которая на фоне принятых за основу как наукой, так философией, является непримечательной. Однако она позволяет наиболее полно отобразить то, что входит в содержание понятия жизни. Но прежде чем ее рассматривать, необходимо обратиться к признакам, которые приняты на вооружение как философским, так и научным сообществом.

1) Первым признаком жизни является ее финализм, т.е. наличие телеологического аспекта. Всевозможные проявления жизненности прямо или же косвенно подчиняются принципу целесообразности, под которым видится самосохранность. Но эта целесообразность (в отличие от человеческой целесообразности, определяемой в терминах предназначения), свойственная жизни, является специфической. Она зависит от поведения (реакции), имеющего самые разнообразные формы. Так, например, «неантропоморфные существа», с которыми встречаются экспедиторы на «Эдеме» (Лем 2015), на «Квинте», на «Регис III», подают признаки жизни фактом контакта (реакции), поэтому основной проблемой здесь выступает неопределённость сигнала, реакции, поведения. В этом плане электрон в сопоставлении с тем же «квинтянином» проблем не вызывает, т.к. он вращается на одном месте до тех пор, пока существует связь с ядром. Напротив, «квинтянин» (Лем 2020) каждый раз реагирует по-другому, т.к. обладает многообразным набором реакций (поведения этого разумного существа, преобразованного в ходе эволюции в «гриб»).

Звезды по структуре схожи. Так, они могут различаться по химическому составу, но по стадиям расходования энергии ограничены. Напротив, эволюционирующие «мушки» из «Непобедимого» нестабильны и изменчивы. Всякая их встреча с человеком дополняется совершенно новыми открытиями: применение магнетического поля, декодирование лица Рохана, перенастройка «Циклопа», про которые человеку до этого не было ничего известно. Подобный подход мог бы быть оправдан недостатком информации, но существа, подающие признаки «жизни», свидетельствуют о другом. При столкновении с любыми явлениями «жизни», наблюдатель способен однозначно отличить их от мертвой материи, не реагирующей ни на чье присутствие уже тем фактом, что нечто живое динамично, оно постоянно к чему-то стремится. Оно не может все свои движения обратить в цикл, как звезда или планета. Цикл для живого существа был бы равносильен смерти. Цикл существует только для человека, как одна из форм упорядочивания многомерной действительности. Но живое существо неопределенно. Его неопределенность состоит в том, что любая встреча с ним сопровождается рядом новых открытий. Если, к примеру, электрон не отреагирует на присутствие человека, то микроорганизм либо «отдалится», либо «приблизится» и т.д., а поведение попугая вообще способно изменить мировоззрение человека на то, что такое «жизнь», поскольку, будучи высокоинтеллектуальным и коммуникативным существом, он способен по-разному взаимодействовать с человеком, начиная с повторения определенных действий, заканчивая применением «практического интеллекта» (Шелер 1994). Таким образом, здесь можно сделать следующий вывод. Реакцию любого живого существа нельзя однозначно подвести к статистическим закономерностям.

2) Иным признаком жизни считается ее сложная системная организованность, которая в большей мере отображает каузальные (причинно-следственные) связи. Звезда не обладает этим признаком в силу того, что она «энергетическая», а не «информационная» машина. В принципе, жизнь в своем развитии не ограничена ничем, в отличие от звезды, которая изначально запрограммирована. Она попросту растрачивает энергию, не «экономя» ни на чем. Жизнь располагает «энергетической свободой». Она способна

осваивать новые источники энергии до тех пор, пока не натолкнется на информационный барьер. В принципе, любое живое существо является носителем (накопителем) информации, заключенной в наследственном веществе (ДНК), и благодаря этому факту оно представляет особую систему. Но животное, в отличие от человека, не способно натолкнуться на ситуацию «избытка информации», поскольку оно являлось (и до сих пор является) частью природы или биогеоценоза, который создает окружающую среду для живых организмов посредством процесса обмена веществ, а сам в свою очередь слагается из фоновой нагрузки, т.е. отмерших органических соединений и т.д. И здесь необходимо принять к сведению, что животное не сталкивается с «переизбытком информации», т.к. оно скованно условиями триединой среды, т.е. косной и живой («фенотипической» и «генетической»). Но и триединую среду нельзя представить как математика, рассчитывающего все с точностью до долей процентов, потому что тогда следует разрыв с чувственно данной реальностью. Тогда «фантоматика» С. Лема становится неразрешимым парадоксом, поскольку не совсем понятно, относятся ли люди к чисто статистической закономерности или к тому, что выходит за пределы этой «формализации». Наспех сконструированная онтологическая модель, согласно Н. Гартману (Гартман 2003), является чуждой понятию жизни, т.к. учитывает несколько параметров, которые могут повлиять на нее количественно, но не качественно. Информация – это не то, что можно сосчитать в гигабайтах, а затем, используя код, разносить «нечто» как вирус по носителям; это форма рационального постижения действительности. Здесь могла бы быть уместной отсылка к российскому исследователю А.Н. Горбань (Горбань 1998), который полагает, что в качестве научного эксперимента можно было бы поместить в ЭВМ все имеющиеся модели и предпринять их синтезирование, а на исходе понаблюдать за тем, что получилось. Однако подобная ситуация была бы тождественна парадоксу «обезьяны и печатной машинки», т.к. пришлось бы ожидать миллионы лет. Сборочные модели приемлемы для технической конструкции, но не для постижения действительности. В противном случае, история – это продукт человеческого творчества в перспективе, перенесенной в прошлое.

3) Последним значимым признаком, позволяющим отличить живое от неживого, является «польза». Не существует «жизни» без «пользы». Только благодаря «пользе», встроенной в «жизнь» из-за постоянно нависающих над ней опасностей, она и способна эволюционировать, и тем самым кардинально трансформировать то, что называется каузальными или телеологическими связями. Однако эволюция – это не предел развития, а только способ устоять перед грозящей опасностью, способной устранить данное «гомеостатическое равновесие». Другой вопрос заключается в том, что понимает С. Лем под пользой. Ответ на этот вопрос усложняется также свойственной человеку установкой подводить все явления чувственного мира под рассудочные понятия и разумные идеи, т.е. мыслить вполне телеологически. Такой подход является продуктивным в контексте методов формализации или идеализации, посредством которых можно подвести действительность под ряд инвариантов. Однако для определения жизни он не приемлем.

Любому организму нужны «пластичные регуляторы», способные на разнообразные возмущения среды отвечать внутренними трансформациями. Человек, в отличие от остальных существ, перенял эстафету «психогенеза» и в результате этого стал представителем с наиболее совершенным разумом, под которым понимается гомеостатический регулятор второй степени (который в ответ на изменения окружающей среды преобразует ее, тогда как регулятор третьей степени способен будет осознанно преобразовывать сам организм). Сложноорганизованное мышление, способное противостоять среде, вводит дополнительные параметры, которые снижают степень ее расстройств. Это позволяет воплощать приемлемые технические и технологические решения.

Однако было бы совсем неправомерным оставлять пользу только за человеком и его разумной способностью, направленной на преобразование среды и создание

искусственных сред. На самом деле польза существует в любом живом существе в виде реакции, направленной на выживание. Этот аспект был подмечен ещё Ч. Дарвином. Дарвин говорил о том, что признаки, приобретаемые живыми существами в ходе естественного отбора, действуют «только на пользу каждого существа и через посредство этой пользы» (Дарвин 2001, с. 82). Правда, конфигурации т.н. пользы могут быть разнообразными. Польза проходит путь от оборонительных (через перенастройку внутренней конфигурации) до экспансивно-завоевательных, от бессознательных до сознательных форм. И здесь уже можно согласиться с Д. Дьюи (Дьюи 2003), с его рассуждениями, касающимися отрыва «теории» от «практики» в контексте несоразмерности первой и второй. Так, по его мнению, человеческое мышление в теоретическом плане давно бороздит межзвездные пространства (благодаря освоенному математическому аппарату), тогда как в практическом «пребывает в пещере», поскольку применяет технологии не по назначению, а на авось, не неся при этом за свои действия никакой ответственности. С другой стороны, если экспансия затронула внешнюю среду, то относительно внутренней остается догадываться, поскольку то, что связано с организмом, психикой и т.д., остается до сих пор неизведанным местом. Причиной возникшего пробела является абстрагирование, проявляющее себя в ситуации моделирования или идеализации. Но если человечество желает выйти на новый виток развития, то эти методы и средства познания должны стать прикладными, а не только спекулятивными и описательными. В этом плане было бы интересно взглянуть на обратное развитие, от завоевания к защите, от освоения внутреннего пространства ко внешнему. Существо, эволюционирующее таким образом, могло бы быть подобным существу планеты «Солярис». От постижения самого себя (как среды) оно могло бы перейти к проектированию отдельных индивидов. Но для человека такой ход мысли может показаться непонятным и чуждым, поскольку он действует с точностью наоборот. Его инструменты (материальные и нематериальные) направлены на освоение внешней среды, тогда как внутренняя остается под контролем неизведанных ему факторов. Однако любая попытка ее рационализации приводит к полному краху.

Другим интересным размышлением о пользе в связи с жизнью у С. Лема становится отсылка ко «благу» И. Бентама (Бентам, 1998). С. Лем считает, что «благо» И. Бентама является спекуляцией, несовместимой с практическими нуждами. Оно предполагает логическую ошибку. Под этой ошибкой кроется попытка создать систему, которая в действительности невозможна, или произвести то, что не совместимо с жизнью. Напротив, суть блага должна быть заключена в том, чтобы удовлетворение потребностей для наибольшего числа людей перестало быть проблемой. И. Бентам здесь рассчитывает на веру, которая, являясь компенсацией экзистенциальной, а также гностической ущербности гомеостатов, могла бы обеспечить «вечное» равновесие, купленное ценой ложной или некритической информации. Если разум способен справиться с подобными схоластическими уловками, то жизнь их не разрешит, поскольку она всякий раз сталкивается с опасной средой, для которой не существует никаких ошибок. Остается либо адаптироваться к среде, либо видоизменить ее. Живое существо обычно пытается подстроиться к ней. Только так оно способно приобрести механизмы защиты от нее.

Как показали исследования, бобры в ходе эволюции приобрели острые зубы, эластичный хвост и мех, который обладает бархатной мягкостью, подобно гидрокостному, приспособленному для перемещения под водой, а рептилии – чешуйчатую кожу, ограниченную способность к регенерации и холоднокровие, которые приспособлены для жизни как в воде, так и на суше. Человек, напротив, не является ни высокоадаптивным млекопитающим, ни рептилией. Согласно М. Шелеру, человек является изначально беспомощным, т.к. «это существо, сам способ бытия которого – это все еще не принятое решение о том, чем оно хочет быть и стать» (Шелер 1994, с. 105). Все, что у него есть, это потенциальная способность к мышлению, которую ещё следует развивать. Благодаря данной способности он стремится подогнать среду под свои нужды. Ее освоение может

приобретать совершенно разные формы. Так, например, человек способен создать условия, при которых автоматизм удовлетворения потребностей зашел бы так далеко, что после принятия соответствующего препарата организм насыщался бы произвольно, без каких-либо дальнейших действий с его стороны. Современная специализация достигла таких вершин, что людям в бытовом плане уже не нужно пользоваться конкретными техническими устройствами, когда существует искусственная среда, подстроенная под их нужды. Другой вариант перестройки среды напрямую зависит от ментальных способностей. Уже на сегодняшний день предпринимаются поиски решений в сфере управления техническим устройством без привлечения внешних конечностей человека (нейроинтерфейсы, гарнитура «Neuro Plus»), что у С. Лема определено в понятии «центральной фантоматики». Ее результатом выступает стирание границ между техническим устройством и человеческим организмом, которое может быть как ментальным, так и материальным (Маклюэн 2003).

Такое новшество может подвести к следующей мысли. Польза наличествует лишь там, где различие между разумным существом и техническим устройством дано в явном виде. Ведь соединение первого со вторым увеличивает все шансы организма на выживание. Но когда связь перестает быть искусственной (т.е. полностью изменяет природу человека), подобно тому, как мобильный телефон становится естественным средством общения на далеких дистанциях с разными носителями, то вопрос о «пользе» снимается, поскольку на выходе получается фактически другой организм. Физически и физиологически он может быть тем же самым (по устройству и назначению конечностей и органов), но ментально и психически будет совершенно изменен. Но, в целом, бездумное применение к живому неразумному существу понятия пользы является не вполне корректным. В целях уяснения специфики понятия жизни, достаточно было отметить эволюционную корреляцию между механизмами приспособления и пользой, на что необходим ряд более подробных исследований в области связи пользы с чувственностью, рассудком и разумом.

Возвращаясь к отправному пункту данного исследования, необходимо отметить, что на уровне как простейшего микроорганизма, так и человечества, на сегодняшний день отчетливо прослеживается тенденция к сохранению «оптимума жизни» (самоорганизации) как наиболее полной приспособленности к среде / ее трансформации. Но эта самоорганизация, достигнув пика в своем развитии, по мнению С. Лема, начинает постепенно обособляться от природы, поскольку доступных средств в ней начинает недоставать. Техника является одним из наиболее наглядных критериев данной обособленности. Она никак не связана с неразумным живым существом, что на первый взгляд может показаться ученому, исследующему устройство животного и находящего в нем примечательные сходства. Техника является вынесенным вовне разумом, т.е. чисто человеческой способностью. Думать иначе – значит определять природу по образу и подобию человека, т.е. подводить ее под антропный принцип. Цель разума – охватить большее пространство, расширить сферу влияния, подчинить контролю большую часть окружающей среды, но никак не антропоморфизировать среду по своему образу и подобию (Dessauer 1948). Подобное возможно только в том случае, если процесс технического развития будет сопровождаться качественным усовершенствованием разума. В противном случае, специализация, основанная на количественных параметрах (больше узнать, запомнить, сосчитать и т.д.) может привести человечество к гибели от обстоятельств, как зависящих (использование ядерной энергии, биологического оружия не по назначению и т.д.), так и независящих (изменение климатических условий, разрушение биосферы и т.д.) от него.

Библиографический список

- Dessauer F. (1948), Mensch und Kosmos, Ein Versuch, o. J., Otto Walter A.G.
- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.
- Гартман Н. К основоположению онтологии. Санкт-Петербург: Наука, 2003.
- Голубков С.А. Фантастическое и комическое (на материале русской литературы XX века) // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сб. материалов Международной научной конференции 29-31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 50-56.
- Горбань А.Н., Хлебопрос Р.Г. Демон Дарвина: Идея оптимальности и естественный отбор. Москва: Наука, 1988.
- Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Санкт-Петербург: Наука, 2001.
- Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. Москва: Канон+, 2002.
- Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Москва: Республика, 2003.
- Кун Т. Структура научных революций. Москва: Прогресс, 1975.
- Лем С. Непобедимый. Москва: АСТ, 2022.
- Лем С. Рассказы о пилоте Пирксе. Фиаско. Москва: АСТ, 2020.
- Лем С. Солярис. Москва: АСТ, 2015.
- Лем С. Сумма технологии. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002.
- Лем С. Эдем. Москва: АСТ, 2015.
- Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Москва: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
- Манойло А.В. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (I) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. №1. С. 100-132. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1054>
- Нестеров А.Ю. Фиаско за перевалом // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема (Самара, 22-24 марта 2018 г.). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 91-99.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. Москва: Прогресс, 1983.
- Пунченко О.П. COVID-19 как негативный «стартап» раскола глобализирующегося мира // Век глобализации. 2021. №4 (40). С. 54-68. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.04>
- Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.
- Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. Москва: «Corpus (АСТ)», 2017.
- Федчук Д.А. Понятие ценности в аксиологии и схоластическое понятие «благо» // Международный журнал исследований культуры. 2016. №2 (23). С. 52-61.
- Шелер М. Избранные произведения. Москва: Гнозис, 1994.
- Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. Москва: Наука, 1987.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Москва: АСТ, 2019.